

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-АРМЯНСКИХ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Е. К. САРКИСЯН

Проблемы российско-армянских отношений 1920—1921 гг. до сих пор исследованы недостаточно обстоятельно. Изданные работы скорее фальсифицируют историю, чем освещают ее. Особенно не повезло стоявшему тогда у власти дашнакскому правительству, чья политика отражалась поистине в кривом зеркале. Исследователи не замечали в нем ничего позитивного. Антибольшевистская внешняя политика дашнаков десятилетиями характеризовалась как политика врагов армянского народа. Противоречия же в отношениях Советской России с Армянской республикой всегда замалчивались. Никогда не говорилось о дипломатической борьбе между российской и армянской делегациями, которая велась во время московских и ереванских переговоров.

Весной и летом 1920 г. правительство Советской России предприняло ряд дипломатических и военно-политических мер с целью сохранить территориальную целостность закавказских республик, народы которых были связаны с Россией столетием совместного государственного развития, и, главным образом, упрочить свое влияние в этом регионе. Кстати, ситуация, сложившаяся после распада Советского Союза, во многом напоминает ситуацию, сложившуюся после распада Российской империи, и нынешние политики должны сделать из этого соответствующие выводы.

26 мая 1918 г. прекратил свое существование Закавказский сейм. На политической карте возникли независимые Азербайджан, Армения и Грузия, и руководство РСФСР начало с ними переговоры об установлении дипломатических отношений и обмене полномочными представителями. Полномочным представителем Советской России в Грузии был назначен С. М. Киров, прибывший в Тифлис 20 июня 1920 г. Через две недели, 6 июля, две страны заключили договор, согласно которому РСФСР признала независимость Грузии.

Что касается Армении, то, признав ее де-факто, Советская Россия предложила ей установить дипломатические отношения. «Сознательная своевременность такого соглашения,—сказано в сообщении армянской стороны,—правительство уполномочило особую делегацию выехать в Москву для переговоров об установлении политических и экономических взаимоотношений между обеими республиками. В своих политических требованиях делегация будет твердо базироваться на принципах свободы самоопределения армянского народа и независимости и суверенности Республики Армения»¹. Делегация во главе с Леоном Шантом (членами делегации являлись Левон Зарафян и Амбарцум Тертерян) прибыла в Москву в конце мая 1920 г. Связным звеном между делегацией и Ереваном служил

¹ Центральный государственный исторический архив РА (далее—ЦГИА РА), ф. 276, оп. 1, д. 218, л. 107.

уполномоченный Армянской республики в Тифлисе Тигран Бекзадян. Переговоры велись в течение июня и июля. С российской стороны в них участвовали нарком иностранных дел Георгий Чичерин и его заместитель Левон Карахан. В инструкции, полученной Л. Шантом, говорилось: «Всеми доступными средствами постарайтесь ускорить официальное признание нашей независимости и границу Армении. Настаивайте на немедленном отводе советских войск из Карабаха. Сообщая для Вашего сведения, что их присутствие деморализующе действует на крестьянство Карабаха и даже смежного Зангезура, и всякое промедление в этом вопросе может вызвать серьезные осложнения также в других местах Армении»². Переговоры касались в основном вопроса о так называемых спорных территориях. Еще до установления в Азербайджане Советской власти, в марте 1920 г., мусаватпстские войска вторглись в Нагорный Карабах, надеясь, подчинить его силой оружия вопреки ясно выраженной воле населения. Достаточно сказать о судьбе города Шуши, тогдашнего центра Нагорного Карабаха. Город защищал немногочисленный отряд. После того, как его отчаянное сопротивление было сломлено, азербайджанцы ворвались в Шушу. Из 35 тысяч армян, живших в Шуше, не осталось ни одного. Несмотря на это, по данным 1923 г., 94,4% общего населения Нагорного Карабаха составляли армяне и 5,6% — турки³. О шушинской резне говорил С. Орджоникидзе в политотчете Кавбюро ЦК РКП от 19 февраля 1921 г.: «...был разгромлен город Шуша. Армянская часть этого города была совершенно стерта с лица земли, и мы видели, как в колодеце плавали трупы брошенных туда женщин. Грудных детей также не щадили».

После советизации Азербайджана новое правительство этой республики продолжило в отношении Карабаха, Нахичевана и Зангезура политику мусаватистов. Об этом свидетельствует ультиматум от 30 апреля 1920 г., т. е. на третий день после прихода к власти коммунистов, армянскому правительству: «Во-первых, очистить от ваших войск территории Карабаха и Зангезура, во-вторых, отойти к своим границам. В противном случае революционный комитет Азербайджанской социалистической республики будет считать себя в состоянии войны с правительством Армянской республики. Ответ на ноту должен быть получен в трехдневный срок»⁴. За этим последовал ультиматум Военного Совета Кавказского фронта от 1 мая: «От имени Российской Социалистической Федеративно-Советской республики предлагаю Армянскому правительству немедленно прекратить всякие военные действия в советском Азербайджане и вывести свои войска из пределов его. Это должно быть сделано в течение 24 часов со дня получения настоящего предложения». Ультиматум кончался угрозой: «Неисполнение настоящего будет рассматриваться как вызов Армянского правительства Российской Социалистической Федеративно-Советской республике. Предложение будет выполнено силами российской Красной армии, ответственность же за последствия этого ляжет целиком на Армянское правительство»⁵. Опровергая приведенные в ультиматуме факты, министр иностранных дел Армении Оганджания подчеркивал в ответной ноте, что армянских войск на территории Азербайджана не было и нет. «Наоборот, войска

² Там же, ф. 200, оп. 1, д. 218, л. 88.

³ ЗСФСР в цифрах, Тифлис, 1929, с. 3.

⁴ ЦГИА РА, ф. 200, оп. 1, д. 529, л. 33.

⁵ Там же, л. 36.

бекского мусаватского правительства Азербайджана находятся в оспариваемых им областях Армянского Карабаха и еще недавно производили там избиение армянского населения и сжигали села и города. Население Карабаха многократно на своих съездах крестьянских депутатов выражало свою непреклонную волю не входить в состав Азербайджана, и войска Азербайджана находятся в этой области именно для того, чтобы сломить эту волю самоопределяющегося народа. Не имея вовсе своих войск в пределах Азербайджана, Армянское правительство просит Вас предложить новому правительству Азербайджана вывести войска из пределов Нагорного Карабаха, затем произвести уже в девятый раз опрос населения этой области и поступить согласно воле населения... Армянское правительство предлагает представителю Советской Социалистической России послать в Карабах нейтральную комиссию для выяснения истинного положения дела. Ввиду изложенного,—завершает Оганджян,—мое правительство считает нужным заявить, что в данном случае нет никакого основания для ультимативной ноты, и выражает полную уверенность, что рабоче-крестьянское правительство Советской России, уже давно признавшее независимость и самостоятельность Армении декретом Ленина и постановлением четвертого всероссийского съезда Советов, не допустит произвести новые насилия над трудовым армянским народом, истекающим кровью в продолжение многих лет»⁶. В обращении МИД Армении к правительству Азербайджана, министру иностранных дел РСФСР Чичерину и предсовнаркому Ленину говорится, что переворот в Азербайджане, «якобы сменивший ханобекское мусаватское правительство революционным социалистическим правительством, по существу не внес никаких изменений в государственную и политическую жизнь Азербайджана». Далее в обращении подчеркивается, что своим агрессивным характером Советский Азербайджан ничем не отличается от мусаватского, и указывается на «достоверные сведения о связи Вашего правительства с вождями турецкого империализма Мустафой Кемалем, организатором резни в Киликии, об участии в государственной жизни Вашей страны Энвера Халила и Нури-пашей, запятнавших себя чудовищной резней армян в Турции и на Кавказе... Нури-паша продолжает действовать в Джебраиле, организатор резни армян в Карабахе Гамид Султанов, надев красную ленту, снова находится у власти»⁷.

Продолжая героическую борьбу против азербайджанской агрессии, карабахцы объявили о присоединении своей родины к Армянской республике в качестве неотъемлемой ее части, о чем сказано в решении девятого съезда армян Нагорного Карабаха, заседавшего 23—29 апреля 1920 г. Съезд констатировал, что советское правительство Азербайджана ни перед чем не останавливается, чтобы захватить Нагорный Карабах и Зангезур. Азербайджан экономически блокировал Армению. Был прекращен подвоз сырья, в том числе и нефти, вследствие чего приостановилось железнодорожное движение. «В Армении начался голод. В разных районах были случаи голодной смерти»⁸.

⁶ Там же, л. 37.

⁷ Там же, д. 218, с. 147.

⁸ Там же, с. 154—156.

Как видим, экономическая блокада Армении, которую Азербайджан осуществляет с 1989 г.,—традиционная политика этой республики.

Очень неблагоприятную роль в отношениях между Ереваном и Москвой сыграли армянские коммунисты, находившиеся главным образом в Баку. Чтобы как-то нейтрализовать дезинформацию, которая стала существенной частью их деятельности, правительство Армении через Т. Бекзадяна проинструктировало Л. Шанта «немедленно уяснить Советскому правительству истинный облик бакинских большевиков—армян, посылающих в Москву доносы и ложные сведения об Армении. Укажите, что эти люди, никогда не работавшие в Армении, не знакомые с ее истинными нуждами и ее положением, прикрываются флагом коммунизма, преследуя свои личные корыстолюбивые цели»⁹. Армянские большевики неприкрыто враждебно относились к Республике Армении и в своих донесениях о ситуации в регионе не брезговали фальсифицировать факты. Это в немалой степени помешало успешному завершению переговоров между Арменией и Советской Россией.

Воспользовавшись напряженной обстановкой, сложившейся в Нагорном Карабахе, Зангезуре и Нахичеване, советское правительство решило отправить туда свои войска. Предлог для этого имелся—предупредить межнациональную резню. 23 мая 1920 г. Л. Карахан телеграфировал С. Орджоникидзе: «Надо потребовать у армянского правительства согласие на занятие местностей со смешанным армяно-мусульманским населением русскими войсковыми силами»¹⁰.

Переговоры затянулись. Вот что сообщал Шант Бекзадяну 1 июля: «Из первых сведений выяснилось, что из Баку всячески стараются помешать заключению договора. Прежде всего оттуда убеждали Центр, что Армения находится накануне того, чтобы стать советской, и следует занять ее войсками. Центр этого шага делать не хочет, руководствуясь международными соображениями, а также на основании докладов своего кавказского военного командования и оценки, данной им нашей военной силе и решимости сопротивляться большевизму. Так что результат дела по существу зависит от степени нашей обороноспособности и решительности в борьбе против внутренних врагов и внешних нападений»¹¹. Объясняя причины, по которым затягивается заключение договора, Шант говорил: «Наши требования считаются справедливыми, и центральным органом партии уже решено заключить с нами договор, но все же оставить без внимания волю бакинских большевиков не могут, тем более теперь, когда из Баку убеждают, что главный успех пропаганды мусаватов заключается в уступках, делаемых армянам»¹². Руководство советского Азербайджана во главе с Н. Наримановым требовало присоединить Нагорный Карабах, Нахичеван и Зангезур к Азербайджану, чтобы не дискредитировать Советскую власть в республике. В центре эти требования поддерживал Сталин. 8 июля в телеграмме на имя Орджоникидзе он писал: «Мое мнение такое, что нужно определенно защищать одну из сторон, в данном случае—Азербайджан вместе с Турцией»¹³.

⁹ Там же, с. 147.

¹⁰ Там же, д. 219, л. 261.

¹¹ Там же, ф. 200, оп. 1, д. 218, л. 112—113.

¹² Там же.

¹³ Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (далее—ЦГАОР СССР), ф. 130, оп. 4, д. 496, л. 142.

«Правительство здесь,—подчеркивал Шант,—после долгих колебаний и совещаний вчера вечером наконец сообщило нам свое решение, которое по существу является требованием Баку, т. е. считать спорными Карабах, Зангезур, Нахичеван и Шарур-Даралагыз, занять эти области русскими войсками до окончания спора, смешанной комиссией на Кавказе установить окончательную границу»¹⁴.

Процитированные источники опровергают существующую в литературе концепцию, будто причиной затянувшихся армяно-русских переговоров было дашнакское правительство, саботировавшее заключение соглашения с РСФСР: оно якобы послало в Москву свою делегацию лишь для того, чтобы обмануть общественное мнение.

Как видим, русские большевики поддерживали захватнические устремления Азербайджана. Вопреки протестам Армении русские войска были переброшены в «спорные» районы. Цель этой акции была очевидна—установить здесь с их помощью Советскую власть. И хотя армяне оказывали упорное сопротивление, «советские войска захватили Карабах, часть Зангезура и продолжают нападение на наши войсковые части»¹⁵.

В этих условиях московские переговоры зашли в тупик. Излагая содержание телеграммы министра иностранных дел Армении, Бекзадян писал из Тифлиса: «В территориальных вопросах мы ничего не должны уступить в пользу Азербайджана, на чем настаивает делегация РСФСР... По своим действиям Москва является адвокатом Азербайджана, значит и Турции, и действует в пользу последних во вред независимости Армении... Поэтому, по-моему, Чичерину дайте лишь один ответ, что из Москвы отзовем нашу делегацию для заслушивания ее подробного отчета и только после этого мы дадим наше окончательное решение. Ясно, что не может идти речи о приеме делегации или миссии, пока между нами не будет заключено окончательное соглашение»¹⁶.

Армянское правительство имело основания не принимать за чистую монету постоянные заверения русских большевиков, будто их действия направлены к спокойному и мирному развитию Армении. Советские войска, находившиеся в Карабахе, Зангезуре и Нахичеване, не только не предотвращали кровавых конфликтов между Арменией и Азербайджаном, но скорее способствовали им. Оганджян вынужден был обратиться к Чичерину с нотой, в которой потребовал принять «все меры по срочному прекращению всяких враждебных в отношении Армении действий со стороны ваших войск, к отводу их из названных выше районов». Касаясь же российско-армянского договора, министр иностранных дел Армении пишет: «Правительство мое с глубоким сожалением должно констатировать, что, несмотря на искреннее свое желание и усилия способствовать быстрому и успешному заключению дружественного советско-армянского договора, двухмесячные переговоры между нашей делегацией и советским правительством в Москве не дали тех результатов, на которые мог рассчитывать армянский народ, опираясь на дружественные уверения Москвы. Идя тем не менее навстречу желанию вашего правительства, мое правительство не имеет ничего против перенесения указанных переговоров из Москвы в Армению. Продолжение:

¹⁴ ЦГИА РА, ф. 200, еп. 1, д. 218, а 112—113. Рукопись.

¹⁵ Там же, д. 6—7, л. 53—54.

¹⁶ Там же, л. 127.

этих переговоров с Вашим делегатом Борисом Леграиом правительство мое поручает той же делегации во главе с Леоном Шантом, которому одновременно посылает предписание о срочном выезде из Москвы»¹⁷.

Как видим, армянское правительство стремилось покончить с военными действиями и заключить договор с Россией. Последняя же, напротив, затягивала переговоры, что объяснялось, во-первых, переговорами с кемалистской Турцией (июль—август 1920), а во-вторых, начавшейся осенью агрессией Турции против Армении. Это подтверждает, в частности, телеграмма, посланная Сталиным Ленину 5 ноября: «С договором с Арменией пока надо тянуть, делать вид, что желаем выгодного для Армении мира, а потом видно будет»¹⁸. Тактика проволочек, на которой настаивал Сталин, применялась советской стороной и в Ереване. Все это опровергает недавно еще общепринятую точку зрения, согласно которой затянувшиеся советско-армянские переговоры—следствие политики дашнакского руководства. В своей ноте от 3 августа, адресованной Чичерину и Леграну, Оганджян указывает на кардинальное расхождение между дружественными заверениями советского правительства и враждебными действиями советских войск в оккупированных ими «спорных» районах Армении, которые сопровождались многократными нарушениями армянской границы и занятием ряда бесспорных в смысле территориальной принадлежности районов. «Эти действия,—указывал Оганджян,—мало согласуются с... утверждениями наркоминдела Чичерина. Вопреки также уверениям Российского Советского правительства о намерении его способствовать расширению территории республики Армении в пределах, необходимых для жизнеспособности армянского народа, на деле территории Армении непрерывно урезаются Советскими войсками и захватываются все новые и новые районы—вначале Карабах, затем Зангезур и ныне Нахичеван... При таких условиях теряется всякое значение и вера в искренность дружественных уверений Российского Советского правительства, и самые действия Советских войск приобретают характер военных действий, направленных против Армении в осуществлении империалистического плана турецких и азербайджанских контрреволюционеров, стремящихся к уничтожению самой возможности существования свободной Армении». Говоря о договоре, Оганджян снимает с армянской стороны вину за то, что он все еще не заключен: «Если до настоящего времени договор этот не получил настоящего завершения, причина этого промедления во всяком случае не может быть отнесена за счет Армянского правительства и искренности его стремлений»¹⁹.

30 июля советское правительство подняло вопрос об отправке в Ереван дипломатической миссии РСФСР во главе с Борисом Леграном. В ее состав входили 48 человек. В их числе Саак Тер-Габриелян, Ашот Иоанисян, Силин, Истомин, Шифферс, Лебедев, Шимаюк, Бокач, Андреев, Петров, Дмелидзе и др. При этом Легран предложил армянской стороне начать переговоры в Ереване, не дожидаясь, пока из Москвы вернется делегация Л. Шанта. Однако правительство Армении считало невозможным вести переговоры одно-

¹⁷ Там же, л. 215.

¹⁸ Центральный партархив ИМЛ (далее—ЦПА ИМЛ), ф. 558, оп. 1, д. 1987, л. 1.

¹⁹ ЦГИА РА, ф. 200, оп. 1, д. 218, л. 215—217.

временно и в Москве, и в Ереване. «Если же советское правительство настаивает на перенесении переговоров в Эривань,—заявил Оганджян,—то я должен прекратить переговоры в Москве, вызвать делегацию обратно, выслушать доклад, а затем уже возобновить переговоры здесь»²⁰.

Правительство РСФСР не случайно хотело перенести переговоры из одной столицы в другую. Это делалось с целью выиграть время и не заключить договор, ибо ситуация с Турцией все еще оставалась неясной. То, что дело обстояло именно так, подтверждают слова Карахана, полагавшего, что прибытие в Ереван Леграна не послужит основанием прервать московские переговоры. «Если же мы не придем здесь (в Москве—Е. С.) к соглашению, Легран получит полномочия о ведении переговоров непосредственно с Вами. Мы вновь повторяем, что перенесение ведения переговоров в Эривань осложнит вопрос и бесконечно будет оттягивать заключение договора»²¹.

Характерно, что советская сторона связывала со своей дипломатической миссией в Ереване подвусмысленные пропагандистские планы. Л. Шанту пришлось отметить, что Легран везет с собой в Армению большое количество большевистской литературы. «Мы,—пишет Шант,—протестовали. Карахан обещал протестовать, чтобы оставили литературу в Баку. Нанострожайшим образом воспрещайте всякого рода пропаганду»²².

В деле, по направлению миссии Л. Шанту, говорилось, чтобы тот передал Карахану: «Мы примем Леграна не как посла, а как делегацию, которая приезжает для ведения с Арменией переговоров о заключении договора. Делегация должна быть малочисленной, и в этом составе (т. е. 48 человек—Е. С.) она будет принята в том только случае, если Ваша миссия (т. е. переговоры в Москве—Е. С.) кончится и Вы возвратитесь в Эривань»²³.

Однако, по настоянию Леграна, прежде чем Шант вернулся в Ереван, в Тифлисе все-таки начались предварительные армяно-русские переговоры. Известный английский историк Арнольд Тойнби полагает, что, напав на Армению (имеется в виду оккупация Карабаха, Зангсура и Нахичевана), русские войска принудили ее заключить с РСФСР договор²⁴. Тойнби подразумевал заключенное 10 августа предварительное временное соглашение, которое подписали полномочный представитель Советской России Б. Легран и делегаты Армянской республики А. Джамалян и А. Бабалян. В соглашении содержались следующие пункты: «С 12 часов дня 10 августа 1920 г. военные действия между войсками РСФСР и Республики Армении считаются прекращенными. 2... Войсками РСФСР занимаются спорные области: Карабах, Зангсюр и Нахичеван... 3. Занятием советскими войсками спорных территорий не предпринимается вопрос о правах на эти территории Республики Армении или Азербайджанской Социалистической Советской республики. Этим временным занятием РСФСР имеет в виду создать благоприятные условия для мирного разрешения территориальных споров Армении и Азербайджаном на тех основах, которые будут установлены мирным договором, имеющим быть заключенным между РСФСР и Респуб-

²⁰ Там же, д. 253—254.

²¹ ЦГИА РА, ф. 276, оп. 1, д. 218, л. 168—169.

²² Там же.

²³ Там же, л. 233.

²⁴ Arnold Toynbee, *Survey... Of International Affairs 1920—1923*, London, 1927 p. 366.

ликой Армении в скорейшем будущем. 4. С прекращением военных действий договаривающиеся стороны прекращают концентрацию военных сил как в спорных, так и пограничных территориях. 5. Впредь до заключения договора между РСФСР и Республикой Армении эксплуатация железной дороги на участке Шахтагты—Джюльфа предоставляется управлению железных дорог Армении с тем, однако, что она не может быть использована для военных целей. 6. РСФСР гарантирует свободный пропуск (с оружием и снаряжением) в Армению всех войсковых частей правительства Армении, оказавшихся за линией, занимаемой советскими войсками»²⁵.

Архивные источники свидетельствуют, что советские войска не раз нарушали соглашение от 10 августа. Правительство Армении ставило об этом в известность советское руководство. Так, в ноте А. Оганджяна от 10 октября, адресованной Чичерину и Лиграну, отмечается, что с самого начала советской оккупации «спорных» территорий азербайджанские войска и курдско-татарские банды получили широкий доступ в Карабах, Зангезур и Нахичеван. Такой же доступ был предоставлен и турецким силам и различным деятелям Турции начиная с Халила-паши. «Последний при объезде армянских селений Зангезура и других районов под угрозой их полного истребления принуждает армянское крестьянство давать подписки о якобы их желании присоединиться к Азербайджанской республике... Нежелая подчиниться указанному требованию армянские села при поддержке русских советских войск и при участии азербайджанских сил и курдо-татарских банд подвергаются разгрому и сожжению, а их общественные деятели расстрелу... Правительство Республики Армении не может оставить без протеста столь полное нарушение советскими войсками принятых ими на себя соглашений от 10 августа». Ныне, когда правительство Армении ожидает Вашего полномочного представительства в Эривань для продолжения переговоров по заключению договора дружбы и, когда Армения почти на всем смежном с Турцией фронте обороняется от наступающих на нее сил Мустафы Кемаля-паши, действия советских властей в Карабахе, Зангезуре и Нахичеване, пропускающих в нейтральные районы турецкие национальные силы и их деятелей, а также явно враждебные Республике Армении азербайджанские войска и курдо-татарские банды, могут рассматриваться правительством Армении как содействие со стороны советских властей в период военных действий противнику Армении и мало содействуют созданию условий, необходимых для установления дружественных взаимоотношений между обоими народами—России и Арменией».

Пока в Ереване готовился армяно-советский договор, кемалистские войска предприняли широкомасштабное наступление на Армению. «Открытие Вашим союзником военных действий против Республики Армении,—сказано в ноте А. Оганджяна,—в момент, когда полномочное представительство РСФСР прибывает в Армению для ведения переговоров по заключению договора между обеими республиками—Россией и Арменией, представляется поэтому совершенно непонятным и мало согласуется с заявлениями Вашего правительства и задачами мирного характера предстоящего договора... Правительство Республики Армении ожидает, что правительство РСФСР, неоднократно высказывавшее свое дружественное расположение к Республике Армении, приложит все усилия к немедленному приостанов-

²⁵ ЦГИА РА, ф. 200, оп. 1, д. 529, с. 66.

лению дальнейшего наступления на Армению союзных с РСФСР турецких национальных сил и к отводу их за пределы границ нашей нынешней Армении»²⁶. В ответ на эту ноту Лигран в разговоре с Бекзадяном заявил, что армяне должны обратиться к ним с просьбой о военном вмешательстве с тем, однако, условием, чтобы армянское правительство отказалось от Севрского договора и приняло бы их покровительство. В противовес этому правительство Советской России обещает потребовать от турок отхода за бывшую государственную границу России, не посягать на нашу самостоятельность и не производить советизации Армении²⁷. Ряд существенных обстоятельств заставляет усомниться в искренности этих слов. Москва рассматривала кемалистскую Турцию как знаменосца социалистической революции на Востоке. «Коммунистическая партия Закавказья, — читаем в «Известиях» от 22 ноября 1920 г., для которой не существует национальных проблем как таковых, должна расценивать события с точки зрения укрепления базы мировой революции. Как дашнакцканы Армении, так и меньшевики Грузии являются для нас тем балластом, от которого пужно избавиться путь революции к Востоку: к уборке этого балласта приложены были все силы партии. Эту же цель преследовала центральная Советская власть, которая хотя и не нашла возможным или своевременным советизацию всего Закавказья, все же, после договора с Грузией, находилась в процессе вовлечения Армении в сферу своего дипломатического влияния и отторжения последней от Антанты. Как раз в этот момент намечилось наступление Кемал-паши на Армению и усиленное продвижение его в глубь страны». Приведенная выдержка из советского официоза дает основания предполагать, что планы кемалистов напасть на Армению были заранее согласованы с руководством РСФСР и получили с его стороны безусловную поддержку. Недаром по признанию командующего 9-й турецкой армией уже в январе 1919 г. существовал советско-турецкий союз.

Между тем турки продвигались в глубь Армении. Разоренная, истекавшая кровью республика в одиночку противостояла турецким и большевистским агрессорам. «В Шарурском направлении с полной достоверностью установлено, что действуют как турецкие войска, так и русские большевики»²⁸. «У нашего войска и народа создалось представление, — заявил военный министр Армении Р. Тер-Минасян Лиграну, — что Турция действует в контакте с Россией. Участие русских войск в Шарурском направлении еще больше укрепило народ в этом мнении»²⁹.

На неоднократные призывы о помощи (1, 8, 17, 27 октября) союзники каждый раз отвечали фактическим отказом. Их ответы сводились к тому, что армяне должны надеяться только на свои силы и действовать самостоятельно. А представитель США в Грузии заявил: «Соединенные Штаты не принимали участия в Севрском договоре и, хотя правительство США признало Армянскую республику, но никогда не принимало на себя никаких обязательств в смысле защиты или оказания военной поддержки армянскому народу. И поэтому оно не может принять на себя ответственность в настоящем кризисе»³⁰.

²⁶ Там же, д. 437, с. 58.

²⁷ Там же, д. 602, с. 287—288.

²⁸ Там же, с. 287—288.

²⁹ Там же, д. 529, л. 6.

³⁰ Там же, оп. 3, л. 532, л. 4.

Представитель Великобритании в Тифлисе полковник Стокс заявил премьер-министру Армении Александру Хатисяну: «Англия ныне бессильна оказать реальную помощь Армении». В беседе с Бекзадяном Стокс посоветовал армянам действовать по своему усмотрению, подчеркивая, что Европа или не хочет, или же не может помочь, и армяне должны положиться на самих себя»³¹.

Европейская пресса возмущалась политикой, проводимой странами Антанты в отношении Армении. Так, газета «Манчестер гардиан», орган английских либералов, в передовой статье «Судьба Армении» резко критиковала правительства Франции и Англии. Покинутые своими «высокими покровителями, армяне в конце концов раскололись на две части: одна из них образовала собственную Эриванскую республику, остальное армянское население рассеяно по обширным равнинам Малой Азии, но средоточием его является Киликия». Затем газета подробно описала, как предали французы киликийских армян³². Другая английская газета, «Нэшн», в номере от 27 ноября 1920 г. писала: «Союзники оградичились тем, что обеспечили свои интересы. Они захватили Сирию и Месопотамию и бросили Армению на произвол судьбы. Когда запротестовала «неофициальная» совесть, они переложили свои обязательства на Лигу наций... Армению склонили стать на сторону союзников, и она очутилась между Россией и Турцией. С обеими этими странами мы фактически воюем... Итак, склонив нашего несчастного «протезе» к лояльности, мы поссорили его с турками и отдалили от России, а затем предоставили его собственной судьбе»³³.

О политике Кемалья, стремившегося найти общий язык со странами Антанты, Сталин на заседании Кавбюро говорил: «Кемалисты начинают искать некоторого соглашения с Антантой, Англия становится более уступчивой под влиянием волнений на Востоке. Не исключено, что Турция тащится с Антантой против нас»³⁴. А говоря о целях, которые преследует Кемаль в войне с Арменией, Сталин подчеркнул: «Кемаль стремится занять Александрополь, отрезать Армению от Грузии, чтобы заставить Армению отказаться от договора (Северского—Е. С.), навязанного Антантой турецкому правительству, о передаче ряда провинций Армении»³⁵.

11 октября в Ереван прибыла миссия Б. Лиграна, 14 октября начались ее переговоры с делегацией Армении во главе с Л. Шантом. Если до начала войны армянское правительство не торопилось принять советскую миссию в Ереване, надеясь на осуществление Северского договора, то в критические дни, когда турецкие захватчики продвигались в глубь страны, а западные союзники отказались чем-либо помочь, Ереван поспешил возобновить переговоры с Москвой. От имени своего правительства Л. Шант поставил перед Советской Россией следующее условие: «Предложить Турции отодвинуть свои войска в Эрзинджан; сдать Зангезур и Нахичеван Армении, а Карабах признать спорной территорией»³⁶. Лигран старался убедить правительство Армении, что вопрос Нахичевана и Зангезура должен решиться в соответствии с соглашением от 10 августа с Советским Азербайджаном, т. е. эти районы должны пока остаться под конт-

³¹ Там же, оп. 1, д. 867, л. 10—13.

³² Бюллетень НКВД РСФСР, 20. VI. 1920.

³³ Там же, 23. XII. 1920.

³⁴ Центральный партархив ИМЛ, ф. 558, оп. 1, ед. хр. 1996, л. 3.

³⁵ Там же.

³⁶ ЦГИА РА, ф. 200, оп. 1, д. 12, л. 35.

ролем частей XI Красной Армии. Требование Л. Шанта об отводе турецких войск к Эрзинджану Легран считал нереальным, фантастическим и обещал обеспечить отвод турецких войск до границы 1914 года.

Переговоры завершились 28 октября подписанием предварительного протокола договора. От имени правительства РСФСР его подписал Б. Легран, а от правительства Армении—Л. Шант, А. Тертерян и Л. Зарафян. Основные статьи предварительного протокола касались Нахичевана, Карабаха и Зангезура. В первой статье говорилось, что Россия и Азербайджан признают незыблемое право Армении на Нахичеван и Зангезур и выведут оттуда все подчиненные им войсковые части. Согласно 3-й статье, РСФСР предполагала дать Армении безвозвратную ссуду в размере 2,5 миллиона рублей золотом. Россия обещала также свое дружеское содействие в разрешении вопроса Западной (Турецкой) Армении³⁷.

Поставив Чичерина в известность об условиях предварительного протокола, Легран подчеркнул, что договор с Арменией лишил бы страны Антанты возможности использовать ее в своих антисоветских планах и укрепил бы позиции РСФСР на Кавказе. В связи с продвижением турецких агрессоров в Армению, захватом ими Карса и Александрополя и отказом армянского правительства от ввода советских войск в Армению Легран отметил, что самый факт появления красных частей в Армении—достаточная гарантия, что Турция не решится на дальнейшие военные действия. «Шаг этот,—продолжал Легран,—мог бы быть предпринят Турцией лишь при твердом ее решении захватить Баку. Ради Армении с Россией она воевать не станет. С другой стороны, для Турции должно быть вполне очевидным, что Баку Россия будет защищать до последнего красноармейца»³⁸.

Лондонская газета «Таймс» в номере от 29 ноября 1920 г., касаясь вопроса турецко-армянских переговоров в Александрополе и позиции Советской России, подчеркивала: «Большевики встревожены быстрым продвижением турок через Армению к Азербайджану»³⁹.

Говоря о заинтересованности Советской России в закавказских событиях, Легран так обосновал ее: «Россия не может остаться безучастной к наступлению Кемаля на Армению, поскольку наступление это начинает приобретать характер чисто империалистического удовлетворения этих (территориальных—Е. С.) стремлений турок... Карс в руках Армении не превратит Армению в империалистическую страну. В руках Турции, при изменившихся настроениях кемалистов, он может сыграть роль базы... Вполне очевидно,—заключает Легран,—что создание такой базы представляет для России известную угрозу и не является в интересах Советской России»⁴⁰.

К сожалению, армянское правительство не использовало возникших между Турцией и Россией противоречий. Опасаясь, что ввод в Армению советских войск—союзников кемалистов—может привести к утрате республикой самостоятельности, оно согласилось принять кабальные, унижительные условия перемирия, предложенного турками. Переговоры происходили в оккупированном Александрополе. Турец-

³⁷ Там же, д. 12, л. 29.

³⁸ Там же д. 529, лл. 129—154.

³⁹ Бюллетень НКВД РСФСР, 31. XII. 1920.

⁴⁰ ЦГИА РА, ф. 200, оп. 1, д. 529, лл. 129—134.

кую делегацию возглавлял палач армянского народа генерал Кязым Карабекир, армянскую—Александр Хатисян. Представитель РСФСР С. Мдивани не был допущен к переговорам. Турки мотивировали это тем, что Мдивани «был прислан лишь для прекращения военных действий». Со своей стороны армянская делегация также «находила лишним участие Мдивани»⁴¹.

В то время, когда Хатисян вел переговоры с турками в Александрополе, Лигран 29 ноября ультимативно потребовал от армянского правительства подписать соглашение с советской Россией. Днем раньше II-я Красная Армия, выжидавшая подходящего момента в Азербайджане, пересекла границу Армении. Выхода не было, и 2 декабря соглашение было подписано от имени РСФСР Б. Лиграном, а от имени Республики Армении—военным министром Дро (Драстаматом Канаяном) и Амбарцумом Тертеряном. Документ гласил: «Армения объявляется социалистической республикой. До созыва съезда советов Армении образуется Временный военно-революционный комитет, к которому переходит вся полнота власти в Армении. По подписании настоящего соглашения правительство республики Армении устраняется от власти; власть временно до прибытия Ревкома переходит к военному командованию, во главе которого становится Дро, комиссаром РСФСР при военном командовании Армении назначается Сплин»⁴². По договору было предусмотрено образовать коалиционное правительство из представителей дашнакской и коммунистической партий. Однако армянские коммунисты не признали соглашения от 2 декабря, объясняя это тем, что еще раньше, 29 ноября, в Армении якобы уже была установлена Советская власть.

Между тем переговоры в Александрополе продолжались до заключения кабального договора. Это случилось 2 декабря ночью, т. е. уже после того, как дашнаки передали власть большевикам. Иначе говоря, этот договор был неправомочен с первого дня. Скорее всего, подписывая его, дашнаки на это и рассчитывали. Турецкие же историки, фальсифицируя факты, утверждают, будто Александропольский договор с армянской стороны подписали не дашнаки, уже утратившие к тому моменту власть, а повос, большевистское правительство. Делается это для того, чтобы юридически закрепить за Турцией захваченные армянские территории.

Подытожим вышесказанное. Под ударами турецких и советских войск Армянская республика ослабла настолько, что правящая дашнакская партия вынуждена была принять ультиматум представителя РСФСР и отказаться от власти в пользу большевиков. С установлением советской власти в республике начался красный террор. Вопреки договоренностям дашнакская партия была объявлена вне закона. Все генералы и офицеры независимой Армении были арестованы. Газета «Коммунист» провозгласила: «Необходимо физически уничтожить дашнаков... Мы должны разжечь в деревне гражданскую войну. Деревню нужно разбить на кулаков и нищих и поставить их друг против друга в кровавой войне. Без этой войны в Армении не может быть упрочена Советская власть». По поводу же требований западных армян о «единой и независимой Армении» отмечалось, что и речи быть не может о территориальных притязаниях к «революционной и демократической Турции»⁴³.

⁴¹ Там же, д. 581, лл. 349—350.

⁴² Там же, л. 352.

⁴³ Там же, оп. 2, д. 178, л. 5н

«В конце 1920 г.,—пишет современный историк Сергей Лёзов,—независимая Армянская республика, продержавшись менее трех лет, пала под ударами турецкой и русской армии. Армянские территории были разделены между кемалистской Турцией и коммунистической Россией»⁴⁴. Как известно, согласно Московскому советско-турецкому договору от 16 марта 1921 г. «О дружбе и братстве», к Турции отошли Карсская область, Сурмалинский уезд, Ардаган и Артвин. По этому же договору Нахичеванская область, «относящаяся к ядру исторических армянских территорий» (С. Лёзов), была передана Азербайджану⁴⁵. Следующий ход в долгой антиармянской игре большевистской Москвы был сделан в июле 1921 г.—у Армении отняли Карабах.

С юридической точки зрения Московский договор был очень уязвим. Решения, касающиеся значительных армянских территорий, приписались без участия номинально все еще независимой Армении. Исправить эту оплошность была призвана Карсская конференция, состоявшаяся в октябре 1921 г. В ней участвовали, с одной стороны, кемалистская Турция, с другой—три закавказских республики. Характерно, однако, что руководителем делегаций этих «независимых» республик был представитель РСФСР Яков Ганецкий.

При окончательном уточнении советско-турецкой границы турки проявили непримиримое враждебное отношение к Армении. Когда закавказская делегация предложила минимально исправить границу, чтобы средневековая армянская столица Ани (вернее, ее развалины)—исторический и культурный памятник огромного значения—отошла к Армении, турки категорически воспротивились этому⁴⁶.

Накануне конференции постановлением от 3 сентября Кавбюро дало закавказской делегации следующий наказ: всячески демонстрировать солидарность с кемалистской Турцией, всемерно поддерживать ее борьбу с Антантой. «И наша делегация,—удовлетворенно заявил С. Орджоникидзе в политическом отчете Кавбюро ЦК РКП,—этот наказ выполнила». Далее Орджоникидзе отметил: «Политику дружбы, политику широкой поддержки кемалистской Турции мы все время проводили. Эта политика была зафиксирована Карским договором осенью прошлого года. Карсская конференция проходила в момент наивысшей победы греческой армии. Кемалистская Турция в это время переживала довольно тяжелый момент. Конечно, вам всем известно, сколько разговоров было относительно границ между Турцией и закавказскими республиками. Будь другое правительство в Закавказье, а не советское, оно, безусловно, постаралось бы воспользоваться этим положением, но мы, конечно, ничего подобного не могли сделать»⁴⁷.

В этой ситуации действия представителей Советской Армении нельзя назвать иначе, как антинациональными. Их роль в Карсе сводилась к тому, чтобы всеми средствами поддерживать курс Москвы. Но и политика русских большевиков оказалась, как очень

⁴⁴ Российская газета, 1992, № 72.

⁴⁵ В 1922 г. в Закавказье побывал видный советский государственный деятель, председатель Совета Министров СССР в 1924—1930 гг. Алексей Иванович Рыков. Ознакомившись с обстановкой в Армении, он пришел к выводу о необходимости воссоединить Нахичеванскую область с Арменией. Но в верхах Москвы эту идею встретили в штыки.

⁴⁶ ЦГАОР РА, ф. 40/28, оп. 1, ед. хр. 81, л. 19.

⁴⁷ Э. Оганесян, Век борьбы, Мюнхен—Москва, 1991, с. 368.

скоро продемонстрировали события, крайне недальновидной. Пытаясь с помощью исконно армянских земель «купить» Турцию, они жестоко просчитались. На протяжении нескольких десятилетий эти земли служили по сути дела военным плацдармом, с которого турки, а затем и НАТО угрожали Советскому Союзу.

Несмотря на откровенно протурецкую политику Советской России, турки вели себя на конференции неискренне, пытаясь добиться дополнительных выгод. 5 октября А. Мравян сообщил из Карса: «Турки сознательно затягивают переговоры, связывая надежды с обострением русско-польского кризиса»⁴⁸. Как видим, турки отнюдь не желали следовать примеру советских дипломатов, которые не пользовались неудачами турецкой армии в войне с Грецией...

Турецкие авторы фальсифицируют, как правило, даже самый ход переговоров на Карсской конференции, потому что беспристрастное изложение этих переговоров выявило бы двурушническую позицию Анкары, причем в отношении не только Советской Армении, но и Советской России. На конференции не произошло ничего заслуживающего внимания—таков лейтмотив турецких исследований. А. Ф. Джобесой, например, пишет: «Переговоры прошли нормально»⁴⁹. Между тем армянские документы, в первую очередь протоколы заседаний, свидетельствуют о том, что переговоры носили очень острый и напряженный характер по причине явной враждебности, проявленной турецкой делегацией по отношению к Армении. Руководитель же армянской делегации Асканаз Мравян вместо того, чтобы поставить вопрос о пересмотре пунктов Московского договора, незаконно передающих Турции добрую половину Армянской республики, пел дифирамбы кемалистам: Мы восхищены турецким народом, ведущим героическую борьбу за освобождение своей родины. Он победит, и его враги будут разбиты... Мы пришли сюда (на конференцию—Е. С.) к представителям борющегося турецкого народа, и мы должны сказать, что турецкий народ победит. Данная конференция даст нам крепкие основы дружбы и братства с турецким народом»⁵⁰.

В своей статье о Карсской конференции Ал. Мясникян отмечал: «Сегодня кемалисты борются против Антанты и ее приспешников, против их стремления овладеть Турцией. Здесь, на Востоке, Антанта—самый страшный враг, она стремится овладеть нефтью и замысливает заговор против очага мировой революции (т. е. против Турции—Е. С.). ...Потому мы обязаны усилить и по справедливости оценить ту борьбу, которая ведется на Востоке против Антанты»⁵¹. Для Мясникяна национальные интересы, территории, границы—все это условно и имеет второстепенное значение; с точки зрения мировой революции они носят временный характер и, значит, несущественны. Большевики верили (или убеждали в этом себя и других), что «грядущая великая революция скоро сотрет любые границы».

Все это лишний раз свидетельствует о том, что в потере Арменией половины своей территории в меньшей, чем правительство дашнаков, степени повинны и армянские коммунисты, которые на Карсской конференции тем только и занимались, что всячески преувозносили кемалистских разбойников, особенно главу турецкой де-

⁴⁸ ЦГАОР РА, ф. 40/113, оп. 3, д. 75, л. 56.

⁴⁹ А. Ф. Себесой, *Moskova hatıraları*, İstanbul. 1953, s. 259.

⁵⁰ ЦГАОР РА, ф. 40/113, оп. 3, д. 75, л. 156.

⁵¹ Хорурданн Айастан, 27. IX. 1921.

легации Кязыма Карабекира в качестве «знаменосца социалистической революции на Востоке».

Газета «Тевхид-и эфкар» отметила 1 ноября 1921 г.: «Одним из двух политических успехов, достигнутых Анатолией в последнее время, является Карсский договор. Наши восточные границы начертаны мечом. Дважды пролив свою кровь, мы спасли эти земли и населяющих их наших единоверцев (об армянах, которые всегда составляли на этих землях большинство, даже не упоминается.—Е. С.), вырвав их сначала из рук царской России, а затем из рук кавказских республик». Газета поместила также карту с новыми границами. Нахичеванская область была обозначена на ней как принадлежащая Турции.

В отличие от Московского договора, под Карским договором стояли подписи представителей трех закавказских республик, в том числе наркома иностранных дел Армении А. Мравяна. Этим и объясняется, что в наше напряженное время турецкие руководители и дипломаты, касаясь территориальных вопросов, неизменно ссылаются именно на Карсский договор. Карсский договор подвел окончательный итог советско-армянских дипломатических отношений. Для Армении этот итог оказался трагическим—просто существовав два с половиной года, пала первая Армянская республика, принесенная большевиками в жертву «революционной» Турции. Большевики не признали своей ошибки, но поняли ее очень скоро. Характерно признание, которое вынужден был сделать глава закавказской делегации Ганиецкий: «Поведение турок таково, что поневоле задасишь себе вопрос: зачем мы приносили для них столько жертв?»⁵².

ԽՈՐՀՐԴՍ—ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԴԻՎԱՆԱԳԻՏՅՈՒԿԱՆ ՀԱՐԱՔԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Ե. Դ. ՍԱՐԳՍՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

1920—1921 թթ. Մոսկվայում և Երևանում Խորհրդային Ռուսաստանի և Հայաստանի Հանրապետության պատվիրակությունների միջև կայացած բանակցությունների ընթացքում տեղի է ունեցել սուր պայքար, որը մեր պատմագիրության մեջ լռության է մատնվել: Հիմնական խնդիրը, այսպես կոչված, «վիճելի» Լեռնային Ղարաբաղի, Ջանգեղուրի, Նախիջևանի և Շարուր-Ղարաբաղյան հարցն էր: Խորհրդային Ռուսաստանի թուրքամետ քաղաքականությունը նպաստում էր այդ շրջանների Էկամամը Խորհրդային Ադրբեջանի զավթողական պլանների իրականացմանը: 1920 թ. սեպտեմբերի 23-ին սկսված քեմալական զորքերի արշավանքը դեռի Հայաստան համաձայնեցված էր Խորհրդային Ռուսաստանի կառավարության հետ: Քեմալական զավթիչների հաղթանակին նպաստեցին հայ կոմունիստները, որոնք քեմալականներին համարում էին Արևելքում սոցիալիստական հեղափոխության դրոշակակիրներ: Ի վերջո, թուրքական և Խորհրդային զորքերի հարվածներից Հայաստանի Հանրապետությունն այն աստիճանի թուլացավ, որ դաշնակցական կառավարությունը ստիպված եղավ ընդունելու ՌԽՍՀ-ի վերջնագիրը՝ իշխանությունից հրաժարվելու և այն բուլղերիկներին հանձնելու մասին: Դրանով վերջ տրվեց Հայաստանի առաջին Հանրապետությանը:

⁵² ЦГИА РА, ф. 113/40с, оп. 3, д. 75, л. 48.